

Андрей ЛОМОВЦЕВ

Андрей Ломовцев родился в 1968 году в подмосковных Мытищах. Закончил Московский гуманитарный институт, кафедра психологии. Впоследствии занимался предпринимательством. Закончил школу трейдеров в Москве и школу йоги в Индии (инструктор). Рассказы публиковались в «Волге», «Дружбе народов» и др.

А ТЫ НЕ ЛЕТЧИК...

Рассказ

Утром ушёл отец. Тихо снял с вешалки затёртое шерстяное пальто, замотал шею шарфом и вышел в предраассветную мглу. Выпал первый снег, мороз озорно прихватил его за мясистые щёки, накидал за ворот снежинок. Мужчина смахнул снег раздражённо, зло. В голове словно развёрнутый транспарант колыхалась красная фраза, от которой заливало горечью грудь и першило в горле. Её слова. Дурацкие, обидные, сколько уже говорили не трогать тему. А ты не летчик, да откуда тебе знать, блин... Захотелось вдруг вернуться, выдать наконец жене в лицо – резкое, матерное, живое. Сколько можно держать в себе.

А дети, Соня... Илья, в конце концов. Тогда броситься на колени, умолять и просить, плакать и целовать руки. Повиниться, раскаяться и простить. Её. Самого себя.

Чёрт. А эти фото?

Всё-таки лучше коньяка. Ещё граммов двести. И забыться. Затереть обидные слова словно пыль, выбросить из головы. И жить, словно ничего и не было. Хотя уже не получится. Или получится... Тогда, все же простить и повиниться.

Он выскочил на белёсую от снега дорогу, вскинул вверх руку, увидев зелёный огонёк такси. Машина подрулила к тротуару. Мордатый таксист опустил со скрипом стекло:

– Куда?

– Внуково, аэропорт.

Поутру всполошённая жена с заплаканными глазами, в застёгнутом вкривь халатике металась по узкой кухне, тыкая кнопки телефона.

– Абонент не отвечает или временно недоступен, – вещал механический голос.

Вера, всхлипывая, отложила мобильник и судорожно собрала рассыпанные по столу фотографии. Солёные капли запрыгали по бумаге, она вытерла припухшие глаза. Осмотрелась. Серый кот дремал равнодушно на стуле, щёлкали механические часы, отбивая минуты и напоминая о скоротечности времени. Кухня пропиталась сигаретным дымом, резким запахом нашатыря и валокордина. Гора невымытой посуды в раковине – напомнила ей о вчерашних гостях. Но больше тревожила ополовиненная бутылка коньяка, гранёная стопка в подтёках, пепельница, полная вонючих окурков, которые будто торопились рассказать о тяжести ночных размышлений мужа.

Вера вздохнула, обычно супруг курил редко. Вчера перенервничал.

Соня слышала из детской эти осторожные шорохи, стуки кухонной мебели и материнские вздохи. Уловила до того покашливания отца в коридоре, скрип ключа, шуршанье замков. Она разглядывала полоску света на потолке, силясь понять – куда торопился папа в такую рань. В воскресенье. Никаких причин на то не было. Вспомнила про бабушку с дедушкой, что говорили про ранний вылет, про такси, и папа, наверно, помчался их провожать.

Почему так вздыхает мама?

Соня повернула голову. Илья мирно сопел на кроватке у противоположной стены. Закутавшись в тёплое одеяло, он поджал маленький кулачок ко рту. На полу красными крыльями упёрся в ножку кровати самолёт с винтом спереди. Дед привёз, вспомнила Соня, а братец скривился, нахмурил лоб и буркнул, что такие уже не летают, старьё.

Интересно, – подумала Сонечка и перевернулась на бок, внимательно разглядывая лицо брата, будто впервые видела эти тонкие губы, насупившиеся бровки, пшеничные волосы, разметавшиеся по подушке – да кто же ты такой, братец, на самом деле, чокнутый или притворяешься. И не опасно ли это для меня...

Сонечка считала себе достаточно взрослой. Училась в шестом классе, вела дневник и пост в инстаграме, посвящённый кулинарии. Обожала царство грибов. Мечтала работать поваром, как мама, в красивом московском ресторане.

Тикали часы, на кухне вздыхали, сморкались. Сонечка вспоминала вчерашний вечер. Задумалась, накручивая на палец прядь тёмных волос, – отчего же после рассказа Покемона (так она звала брата) маме сделалось дурно, а бабушка схватилась за сердце. И ей даже вызвали скорую.

Гости, помнится, разошлись затемно. Долго кряхтел в прихожей дедушка. Он молчал весь вечер, мало ел и смотрел как-то странно на братца. Всполошился, когда бабуля, закатив глаза, откинулась на подушки дивана. В это момент – братец Ил (так Соня звала брата на людях) всё ещё бубнил свою историю, отчаянно жестикулировал и заикался. Где-то на этом моменте мамочка потеряла весёлость, и в глазах её заблестели слёзы.

Братец Ил в тот момент качался на стуле из стороны в сторону, прикрыв глаза и вытянув вперёд руки. Будто держал что-то. Наверно, воображал себя за штурвалом самолёта.

– Ууу, птух-птух. Шессоть девятый – Матильде. Пликрой сплава. Птух – птух-птух. Отказ гидросистемы. Задымление. Ключил наддув, – братец махал руками перед глазами, будто мух гонял.

Ну не дурачок? Как же надоел со своими игрульками, лучше бы буквы научился выговаривать.

Сейчас Соня пожалела, что не слышала, чем закончилась фантазия Покемона. Хотя его вымыслы не отличались многообразием. Правда, в этот раз он не бегал по комнате и не выл, что заходит на посадку. Не растягивался по пятнистому паркету на животе. И всё же она прослушала. Жаль. Что-то случилось, что-то важное, такое, что папа уронил со стола вилку.

– Ууу, птух-птух-птух. Шессыот девятый – Джокелу. Катапульта сломана. Птух, ууу. Салазки заклинило. Отказ двигателей. Падаю, блат. Голю. Ууу.

Бабушка тяжело задышала. Соня видела, как вскочил папа, ища глазами сотовый, вызвать неотложку, а когда нашёл, с трубкой в руках бросился искать сердечные капли. Даже Кот Мурло спрятался за тяжёлой портьерой. У Покемона придуманный брат куда-то падал.

Запахло остро, это когда папа открыл вонючий пузырёк. Мамина подруга по работе, неуклюжая, широкая словно тумба тётя Аня пролила воду, второпях наполняя стакан для бабули. А муж её, дядя Саша, с узкими усиками, воспользовался суматохой, плеснул в фужер водки и выпил залпом. Неприятный дядька, Сонечке он не нравился. До вчерашнего вечера. Потом дядя Саша закусил маринованными грибами, сделанными

Соней по маминому рецепту. И причмокнул. И сказал – какая прелесть эти грибочки. Значит, ему понравилось, а Сонечке так вдвойне, потому как еёстряпню в доме невзлюбили. Особенно Покемон.

Вот пока Соня улыбалась дядя Саше, братец Ил закончил рассказ и тарачился растерянно голубыми глазами, не понимая, чем вызвал переполох. И Соня не поняла. Прислушала.

А ведь мама запретила братцу выговаривать странные словечки. И просила выкинуть из головы – придуманных друзей, самолётики и прочую «лётную» ерунду, а смотреть вон мультики «Маша и медведь», как всё дети. Но Покемон «Машу» не любил, фыркал, что для девчонок, просил включить «Белку и Стрелку», где про космос.

Братец перевернулся, вздёрнул носик и совершенно отчётливо произнёс:
– Шестьсот девятый, иду под облаками, слоечка. Эшелон тли сто.

Покемон часто выкидывал странные словечки. Соня не понимала белиберды и всерьёз предполагала, что братец ударился о кроватку, и, видимо, головой. И терзал её беготнёй по квартире, когда взрослых нет дома...

– Ууу. Шесстьсот девятый – Джокелу. Лаботу закончил. Ухожу на тоцку. Ууу. – кричал Покемон, раскинув тонкие спички рук, и носился вприпрыжку по коридору.

По утрам перед походом в садик братец любил забираться на высокий барный табурет на кухне и смотреть в окно, которое называл странным словом – дылка. Молчал, пока не приходил папа готовить завтрак.

– Четыле девятки на улице, – говорил братец, когда солнце выскальзывало из-за высотки напротив, – миллион на миллион сегодня. Класота.

Если небо накрывало тяжёлыми тучами и моросил дождь, братец тёр пальчиками по стеклу, играя с каплями и бормотал, поджимая губки: – Камни с молоком. Тоска.

Услышав странный прогноз в первый раз – папа чуть не подавился сосиской, от которой откусил здоровенный кусок. Соня разлила кофе и накапала на юбку. Покемону тогда исполнилось три. Говорить он начал поздно, и вот как-то сразу научился выдавать такую ерунду.

Родители вечером того дня, долго обсуждал что-то при закрытых дверях. И утром возили братца к врачу. Приехав, повздыхали и договорились с Соней не обращать впредь внимания на странные словечки братца.

– А зацем ты плищёл? Почему ты в моей голове? Доктол говорит, это плохая болезнь.

– Доктор сам плохой дядя. Не думай про него. Считай меня старшим братом. Я ненадолго. Научу тебя летать и уйду.

– И я буду лётиком?

– Конечно! Даже не сомневайся. Лучшим лётчиком на планете, поверь мне.

Порой братец выдавал совсем уж странное. Однажды он восседал на обзорном пункте, рассматривая облака в детский бинокль. Игрушку подарила бабушка. Узнала по телефону, что внучок обожает пялиться в небо, и прислала посылку.

Соня в тот вечер листала посты в инстаграме, папа ковырял яичницу и читал, наверно, фейсбук, уткнулся в экран смартфона, никого не замечая. Сопел.

Тут братец возьми и брякни, звучно, громко и строго, будто громкоговоритель включили.

– Кулсант Синицин, вилаж заплесяю. Велнуться на контлольную точку. Исполнять.

Соня аж вздрогнула, Синицины – это их фамилия. И кому это братец сказал?

Папа же подскочил, стул опрокинул. Покраснел лицом, затрясся, зарычал охрипшим голосом.

– Прекрати немедленно!

Хотел что-то добавить, но сморщился, сжал кулаки и ушёл в ванную. Яичницу, Соня в ведро выкинула. Вот и поужинали.

И снова Покемона к врачу возили. Вернулись родители расстроенные, а братцу стали давать по две розовые таблетки перед садиком и голубую перед сном. И отобрали бинокль.

Соне, кстати, жутко интересно было узнать, в чём там дело, что врач родителям нашептал. Но ей не рассказали. Она вот уверена – родители знают секрет про братца, но с ней не делятся. А может, он инопланетянин? Тогда это всё объясняет.

В любом случае – странный, так говорили про братца малыши во дворе. Воспитательница детского сада, что через дорогу, две пятиэтажки и пустырь, долго привыкала к братцу. Сонечка иногда отводила Покемона в садик по дороге в школу, и ей была симпатична молодая брюнетка с пышной косой. Они даже зафрендзились в инстаграме.

Ксения Андреевна жаловалась на братца, мол, смущает деток, рассказывает небылицы про самолёты, много бегаёт и кричит непонятное. Вроде он лётчик, но ищет какого-то шкипера, который куда-то кинул кости. Может, это игра такая, про пиратов? В общем, просила зайти маму или отца.

О шкипере Соня слыхала, у братца – это тоже лётчик, сосед по самолёту, который, наверно, билет не купил, и его высадили. Но она промолчала. Не рассказала воспитательнице ни про врача, ни про таблетки. Зачем тревожить лишним, пусть не знает.

Соня вот тоже много не знает, отчего, например, мама, когда с папой ссорится, поёт в полный голос: – А ты не лётчик, а я была так рада любить героя из лётного отряда.

И папочка потом мрачнее тучи ходит, хмурится, злится и курит на балконе. Хотя странно, ведь он молодым – на лётчика учился, мама рассказывала, это сейчас на скорой по городу катается. Может, не про него песня?

Эх, взрослые секреты. Соня поджала губы, подложила ладонь под правую щеку, подтянула колени к животу – хотелось в туалет, но вставать было лень. Глаза слипались, но желание додумать, какую роль сыграл во вчерашней истории братец, оказалось слабее сна, и она решила додумать попозже. Пришёл Мурло, свернулся колечком под животом, заурчал. Пригрелся.

Вчера Илье – исполнилось четыре. Ждали бабушку и деда из далёкого Новосибирска. С момента рождения внука они не прилетали в Москву, а тут вот надумали.

– А как тебя зовут?

– Зови меня лётчик или друг, как тебе удобно.

– А ты настоящий?

– Конечно. Но меня нельзя потрогать, позже я покажу тебе, как я выгляжу, договорились?

– Холошо. Тогда давай иглать в лётчиков, на каком самолёте полетим?

– На бомбардировщике. Это быстрая машина, кабина у него наклонена к земле, и он похож на утёнка, его так и зовут – «утёнок».

– Здоново.

– У тебя будет имя в воздухе – Шестьсот девятый.

– Шесстьсот девятый – это номер самолёта?

– Нет, это позывной, будто прозвище, его дают лётчику вместо имени. На время.

Вера разобрала тарелки и включила посудомойку. Встрепенулся, спрыгнул на пол и замер у двери Мурло. Она выпустила кота, нажала кнопку электрочайника, присела за стол. Девятый час. Володя ушёл в семь, на восемь у неё сработал будильник, и мужа уже не было. Ничего не взял.

Она вздохнула. Может, накручиваю, – полилось в голове, – с чего решила, что мужа уходят вот так, под утро, без разборок, шума, гневных высказываний и вещей. Может, обойдётся.

Родители Володи улетели восьмичасовым, утренним, она лично бронировала билеты на Новосибирск. А значит, он не поехал их провожать. Тогда куда?

Лицо её сморщилось, губы поджались, невольно накатила слеза. Вывод напрашивался один – ушёл. Тем более после вчерашнего.

– А ты не лётчик, – сорвалось так некстати накануне. Вера закусил губу. Хватит. Довела мужика своей дурью, пора уже угомониться, успокоиться.

Она пододвинула коробку с фотографиями. Старые фотки, времён её юности, тогда мало у кого были цифровые камеры. Снимки печатали в маленьких ларьках «Kodak Express», вставляли в рамки, клеили в фотоальбомы.

Сверху лежала та самая, которую берегла. И как Володя нашёл, ведь старалась запрятать поглубже. Вера подняла чуть пожелтевшую фотографию.

Худой, курносый юноша с россыпью пшеничных волос, улыбаясь, держал велосипед и обнимал Веру. Она совсем молоденькая, лёгкое светлое платье, чёрные коса на плече, солнцезащитные очки, она помнит – ей привезла тогда мама из Москвы. Модная штука.

За их спинами, на пыльной взлётной полосе громоздится красно-белая тушка самолёта. Як-52. Серебро пропеллера блестит в лучах солнца. Пепельная россыпь облаков в небе. Запах керосина от ангаров, тархтенье двигателей. В тот день у Кости был выпуск в аэроклубе. Он светился, едва не прыгал от счастья – подал документы в Краснодарское лётное, к брату. Володя уже два года как служил.

– А ты не лётчик, а я была так рада любить героя из лётного отряда, – гремела на веранде песня. За длинным столом шумели и гоготали курсанты-выпускники, что-то весёлое рассказывали раскрасневшиеся от вина инструктора, хихикали девочки, улыбался в густые усы начальник клуба, добродушный Поликарпыч.

Ветер принёс с поля аромат мяты и ночной свежести. Они с Костей пили шампанское на террасе клуба, танцевали и целовались до боли в губах.

Вера словно почувствовала вкус поцелуя, мягкость его губ, привкус вина, винограда и дешёвого сыра. Встрепенулась. Шестнадцать лет пролетело, а будто вчера.

Ночь тогда выдалась звёздная. Они брели по пыльной дороге, в густом июньском воздухе трещали без умолку цикады. Костя вёл велосипед и рассказывал о планетах и звёздах. Водил по небу рукой, словно указкой.

Мимо созвездия Девы,
Созвездий Льва и Весов,
Несётся по тёмному небу
Созвездие Гончих Псов.

Вера запомнила те строки, знала, что не его. В то лето ей исполнилось пятнадцать. Она придумала историю про краеведческие изыскания и отпросилась на месяц к бабке. В

Чингис, тихое село на берегу Оби. Бревенчатый домик у широкой воды, храм Петра и Павла в строительных лесах голубым куполом выглядывал с острова.

Костя жил у родственников, на дальнем краю деревни. Это был месяц безумства и счастья. Они загадали подать заявление, как только она окончит школу. И разлетелись словно птицы. Он в Краснодар. Она, после десятилетки, в Новосибирск.

Клубится, шурша по следу
Космическая пурга.
Комету ль псы преследуют?
Иль гонят во тьме врага?

Веру гнало время. Ей казалось, ещё немного, и счастье забьётся переливами в груди – я добьюсь, сумею, ухвачу, преодолею и стану. Когда поступила в универ, интерес к биологии перерос в жгучую страсть. Ей казалось, впереди ждут неизведанные формы жизни, и тратить время можно и нужно – исключительно на науку.

После очередного зачёта она вспоминала русого мальчишку с глазами цвета утреннего неба. Возгоралась тлевшая любовная искорка, и она строчила «В контакте» радостно-возвышенные сообщения. Он отвечал, и она задышалась от позабытого счастья.

Но едва подступали очередные зачёты и сессии, густой туман науки окутывал разум, забирал без остатка свободное время.

Кто же знал, что в душе она повар.

Перед Новым годом совершенно неожиданно появился Володя. Заскочил с приветом от брата. В руке торт, из шинели выглядывает шампанское. Крепко сбитый, с шеей борца и короткой стрижкой. Мощный, решительный. Словно фокусник выудил из-за спины букет нежно-кремовых роз. Тягучий медовый аромат. Она и забыла, что такое получить цветы. Вернее, никогда и не знала.

Володю выперли из училища. Какое-то несоблюдение регламента полёта. Теперь гражданский. Пахнущий табаком и морозной свежестью. Вера и глазом не успела моргнуть, как закрутил, закружил и затянул водоворот нервно пульсирующего желания. И напор Володи оказался столь стремителен, что через полгода они поженились.

Летят по вселенной псы...
Горят причудливо краски,
И, как ни мудра голова,
Вы всё-таки верьте сказке.

Вера не верила в сказки, жизнь рисовала для неё сюжеты если не хоррора, то серьёзной семейной драмы.

Со дня свадьбы перестали общаться братья. Костя наговорил жениху грубостей по телефону, тот изорвал в ответ совместные фотографии, заявил, что отныне – брата у него нет. Запретил о нём вспоминать. Вера стала немой свидетельницей вражды. Родители Володи и Кости, старики, заслуженные учителя, математик и русичка, мужественно, словно оборону, держали нейтралитет – в гости не ездили, к себе не звали. Уговорились лишь раз, на пятилетие Сонечки. И вот ещё вчера...

Вера посмотрела на белобрысое, улыбающееся лицо с фотографии. Потекли противные слёзы. Заныло предательски сердце. Четыре года как не стало Кости. Растворился навсегда в безоблачном небе Сирии.

Сука – жизнь, но чудо – любовь, сказал он на последней их встрече. Проездом был в Москве. Вера была уверена, он прилетел специально. Будто чувствовал что.

– Я вот не могу тебя из головы выбросить, хоть режь меня, дурака, – смеялся Костя. Она тонула в синеве его глаз.

– Ты в каждом восходе солнца передо мной встаёшь. Знаешь почему?

Она коснулась его спины. Узкие плечи юноши, ключицы холмиком, он совсем не изменился, ни фигурой, ни лицом. Лишь морщинки вдоль скул. Жёстче взгляд.

– Нет. Расскажи.

– Глупая. Фотка твоя на приборке, в кабине. Ты вот знаешь, например, что перед вылетом лётчику нельзя бриться, примета плохая.

– Не слышала ...

– Есть такой парадокс. Так я каждое утро бреюсь, потому что не могу перед тобой в щетине предстать. А Ванька, второй пилот, злится, говорит, я – дурак я, и крестится. А у самого иконка в комбезе.

Прости, шептала Вера, прости, прости, прости... Боже, какая я счастливая... Как он любил меня...

Вчера Илюше исполнилось четыре.

Отец вернулся поздно. Сонечка так и не уснула, всё ждала. Это вот братец залёг на удивление рано, не приземлился ни разу с разбега в приготовленную для сна кровать, как раньше, со своими причитаниями, а взобрался тихо и уснул. Ну и хорошо. Пусть сопит себе на здоровье.

Стукнули дверки шкафа в коридоре, и Соня прислушалась. Родители сместились на кухню. Папа говорил негромко, сквозь прикрытую дверь доносились отголоски слов. Соня откинула одеяло, опустила ноги на прохладный пол. На цыпочках подкралась к двери, потянула чуть на себя.

– Ты же неверующий, Володь...

– Не знаю, Верунь, не знаю теперь. Как шарахнуло током с этим – шестьсот девятый горю, это ж его позывной, Кости. Не верил до того. Сука я последняя, Верунь, гад и подлец. Батя до сих пор нос от меня воротит. И поделом. Не знаю, будто в груди прожгло. Две службы отстоял в Покровской церкви. На коленях, Вер. Прощения не заслуживаю... но может, он всё-таки простит. И ты прости, Верунь, прости...

– Дурачок. Это ты меня прости... прости за всё.

Сонечка не поняла, почему папа стоит на коленях и целует маме руки, а та гладит его по голове. И почему родители плачут словно малые дети, а может, с дедом или бабой что случилось, или братец всё же – инопланетянин?

Соня уловила вздохи, шуршанье, чмокание. Ох, уж эти взрослые секреты. Она закрыла тихонько дверь и вернулась в кровать. Братец улыбнулся во сне и что-то пробормотал, и Соне показалось – пожелал ей спокойной ночи.